

Материалы для лекции

УДК 165.0:82

DOI 10.25205/2541-7517-2024-22-3-83-108

Объяснение как мета-обоснование*

Никита Владимирович Головкин

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

*Институт философии и права Сибирского отделения РАН
Новосибирск, Россия*

golovko@philosophy.nsc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4707-1231>

Аннотация

Цель работы – показать, что отдельные элементы манипулятивистской концепции причинности Дж. Вудварда способны играть роль «исключительных (salient) характеристик объяснения», которые могут ассоциироваться со значимыми характеристиками мета-обоснования тому, что «система эмпирических убеждений, которая обоснована в соответствии с принятыми стандартами, тем самым с большой вероятностью (likely to be) соответствует реальности», в ситуации, когда апелляция к более традиционным концепциям объяснения – унификационистской (Ф. Китчер) или причинностной (У. Сэлмон) – не принимается в силу «парадигмального конфликта», разделяющего данное научное сообщество. В качестве эвристики рассматривается рецепция концепции К. Ренфрю распространения индоевропейского языка по территории Европы в период неолитической революции, предложенная Э. Уайли с целью показать, что «обсуждение противоречивости объяснения явлений в концепции Ренфрю раскрывается в точности по линии, разделяющей интуиции Китчера и Сэлмона». Ключевым компонентом мета-обоснования будет понятие «инвариантности» или «сохранения» предполагаемого объяснения «перед лицом новых данных» (Л. Бонжур). Объяснение будет инвариантным «по Вудварду», когда его функционально значимые компоненты (как часть предлагаемого механизма объяснения) будут связаны отношением «конституирующего объяснения» (К. Крэйвер), характеризующего и отличающегося от отношения причинности требованием «совместной манипулируемости экспланансов и экспланандума».

Ключевые слова

объяснение, унификационизм, причинность, схождение, инвариантность, мета-обоснование, манипулятивизм, конституирующее объяснение, Л. Бонжур, Дж. Вудвард, К. Крэйвер, К. Ренфрю

* Статья частично затрагивает материалы для подготовки нескольких лекций по темам: «Научное объяснение», «Философские проблемы археологии» и «Концепции причинности», читаемых в рамках курса «Философия науки» в бакалавриате по направлению «Философия» в Институте философии и права Новосибирского государственного университета. Большая часть подобранного материала и расставленные акценты являются прямым продолжением тематики исследований, поддержанных грантом РНФ № 23-28-00739 «Эпистемическая независимость в моделях обоснования знания о прошлом: теории среднего уровня и взвешенная когерентность», <https://rscf.ru/project/23-28-00739/>

Для цитирования

Головкин Н. В. Объяснение как мета-обоснование // Сибирский философский журнал. 2024. Т. 22, № 3. С. 83–108. DOI 10.25205/2541-7517-2024-22-3-83-108

Explanation as meta-justification

Nikita V. Golovko

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

Institute of Philosophy and Law, SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation

golovko@philosophy.nsc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4707-1231>

Abstract

The paper aims to show that some elements of J. Woodward's manipulative concept of causality are capable of playing the role of «salient characteristics of an explanation» that can be associated with the key characteristics of meta-justification that «a system of empirical beliefs that is justified according to accepted standards is thus likely to correspond to reality» in a situation where an appeal to more traditional concepts of explanation – unificationist (P. Kitcher) or causal (W. Salmon) – is not accepted due to the «paradigm conflict» dividing the given scientific community. As a heuristics we consider the reception of C. Renfrew's concept of the diffusion of Indo-European language across Europe during the Neolithic Revolution, proposed by A. Wiley aimed to show that «the discussion of the inconsistency of the explanation of phenomena within the Renfrew's concept is revealed precisely along the line dividing the intuitions of Kitcher and Salmon». The key component of meta-justification will be the notion of «invariance» or «stability» of the proposed explanation «in the face of new data» (L. Bonjour). An explanation will be invariant «in accordance with Woodward's concept» when its functionally significant components (as parts of the proposed explanatory mechanism) are connected by the relation of «constitutive explanation» (C. Craver), characterized and distinguished from the relation of causality by the requirement of «mutual manipulability».

Keywords

explanation, unificationism, causality, convergence, invariance, meta-justification, manipulability, constitutive explanation, L. Bonjour, J. Woodward, C. Craver, C. Renfrew

For citation

Golovko N. V. Explanation as meta-justification. *Siberian Journal of Philosophy*, 2024, vol. 22, no. 3, pp. 83–108 (in Russian) DOI 10.25205/2541-7517-2024-22-3-83-108

Суть научного объяснения заключается в том, чтобы *показать, что предложенная гипотеза является корректной*, т.е. обоснованной в том смысле, что предполагаемое объясняемое явление действительно происходит так, как описывает гипотеза. Представим себе реальную ситуацию, с которой имеет дело философия науки. Мы сравниваем два объяснения причин мел-палеогенного вымирания (когда, в частности, исчезли нептичьи динозавры): есть гипотеза «космической катастрофы» (падение метеорита) и есть гипотеза «тектонической катастрофы» (вулканическая активность); есть разные и независимые вспомогательные «теории среднего уровня», которые интерпретируют имеющиеся сейчас данные: гипотеза о составе астероидов объясняет насыщенность иридием соответствующих

слоев породы (значимая часть «гипотезы Альвареса»), а вулканическая гипотеза апеллирует к тектонике литосферных плит, данным по инверсии магнитного поля Земли, которые также можно наблюдать в тех же самых слоях пород (и которую можно не связывать с «падением астероида»), сибирским (и аналогичным) траппам (которые являются свидетельством геологических процессов, успешно объясняющих более раннее пермо-триасовое вымирание) и т.д.¹ Теоретически мы можем акцентировать внимание и на других аспектах объяснения, например сказать, что объяснение – это описание, которое дает понимание явления, но главным в рассматриваемом случае будет именно то, что *объяснение может выступать в роли мета-обоснования*. У нас есть гипотеза, которая получена и обоснована в соответствии с современным (относительным) уровнем понимания необходимых норм и правил проведения соответствующих исследований и которая представлена для оценки соответствующему сообществу исследователей. А дальше мы говорим: «Данная гипотеза лучше, потому что получает подкрепление из разных независимых источников», «позволяет унифицировать имеющееся знание», «предлагает более детальный причинный механизм», «предсказывает ранее неизвестное явление, которое нам также удалось обнаружить» и т.д. Мы делаем именно то, что Лоуренс Бонжур, рассуждая об особенностях обоснования эмпирического, научного, а значит – контингентного знания, обозначает как «мета-обоснование»: «Одна задача – дать представление о стандартах эмпирического обоснования, другая – дать мета-обоснование этому представлению, показав, что предполагаемые стандарты обоснования действительно являются приводящими к истине (truth-conducive). Оно должно показать, что прибегать к этим стандартам рационально с точки зрения достижения поставленной когнитивной цели – достижения с большой вероятностью (likely to be) истинного знания» [Bonjour, 1985, p. 9]. Говоря о системе убеждений, он отмечает: «Альтернативы стандартному представлению об истинности как о соответствии независимой реальности нет. И это значит, что мета-обоснование должно показывать, что система эмпирических убеждений, которая обоснована в соответствии с принятыми стандартами, тем самым с большой вероятностью соответствует реальности» [Там же, p. 158]. Необходимость такой двухступенчатой схемы представления обоснования – мы обязаны отдельно говорить об обосновании и отдельно о мета-обосновании, – в том числе следует из классического представления о том, что «основания обоснования обязаны быть обоснованы». Проблема в том, что концепций научного объяснения, которые должны показать, что данное объяснение является хорошим и по-настоящему «приводящим к истине», много².

¹ См.: «Массовое вымирание» (19 апреля 2024). *Википедия – свободная энциклопедия*. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Массовое_вымирание (дата обращения: 01.12.2024).

² См.: Woodward J., Ross L. «Scientific Explanation» (rev. 10 May 2021). *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Summer 2021 Edition). URL: <https://plato.stanford.edu/archives/sum2021/entries/scientific-explanation/> (дата обращения: 01.12.2024). В приведенном примере с оценкой качества объяснения, которое предлагают две конкурирующие гипотезы ключевым событиям, повлекшим за собой вымирание до 75 % всех существовавших тогда видов живых организмов, и в том числе, не в последнюю очередь, поскольку речь идет об объяснении физических явлений, логично воспользоваться дедуктивно-номологической концепцией К. Гемпеля: объяснение включает указание на конкретные «начальные условия» и на «законы» (см.: [Hempel, 1942]). И если вы можете вывести объясняемое явление буквально, подставив эти «начальные условия» в данные «законы», то вы получаете крайне высокую

Ниже мы приведем в пример концепцию Колина Ренфрю распространения индоевропейского языка по территории Европы в период неолитической революции (см.: [Renfrew, 1987]). Примечательно то, что большинство критиков буквально оказываются представителями другой парадигмы, в которой К. Ренфрю не работает. Они отдают предпочтение той концепции объяснения, на которую изначально К. Ренфрю, скорее всего, не ориентировался, либо апеллируют к характеристикам, на которые, желая подчеркнуть сильные, с его точки зрения, стороны своей объясняющей модели, К. Ренфрю умышленно не обращал внимания³. И какое-то время ситуация интерпретировалась, и наверняка так и понимается

степень вероятности того, что рассматриваемая гипотеза действительно (с учетом известных ограничений) соответствует реальности. Если гипотеза, построенная на основании предполагаемых данных о составе астероидов, предсказывает то, что соответствующий пласт, находящийся на границе известняковых отложений мелового и палеогенного периодов, должен быть богат иридием и другими металлами платиновой группы (при том что обычно эти элементы редко встречаются в поверхностном слое и в основном концентрируются в мантии и ядре), и она подтверждается находками, обнаруженными во многих районах Земли, то можно считать, что гипотеза обоснована «по Гемпелю», а значит, как минимум она корректна. И если объяснение, которое предлагает гипотеза, «проще» (в том числе в плане обнаружения следствий или в плане «унификации» уже имеющихся данных), чем объяснения, которые предлагают другие гипотезы (вулканическая активность, резкое изменение климата, появление цветковых растений и млекопитающих и т.д.), то как минимум мы обязаны признать ее «лучшей в классе». Однако суть примера в том, что подобные рассуждения возможны только потому, что мы заранее согласились с тем, что «объяснение по Гемпелю» является определяющей концепцией объяснения. И это не очевидный выбор для тех областей знания, в которых под «законом» в лучшем случае подразумевается успешное индуктивное обобщение «по Бэкону – Миллю», в которых апелляция к стандартной гипотетико-дедуктивной схеме подтверждения научной теории существенно затруднена, в том числе особенностями «получения данных» (как, например, в археологии, когда интерпретация эмпирических данных, по сути, напрямую зависит от выбора других – не тех, которые проверяются, – теорий, задающих содержание этих данных). С этой точки зрения приведенный пример можно (и даже нужно!) считать примером достаточно «грубой идеализации», поскольку сама идея применимости «объяснения по Гемпелю» в геологии, судя по всему, недостаточно обоснована. Вопрос о том, считать ли данную зависимость именно дедуктивным, универсальным «законом», идеалом которого, например, выступает Второй закон Ньютона, – это классический вопрос философии науки, различные варианты решения которого существенно отличаются друг от друга, в том числе в силу различий в выбранных парадигмальных представлениях о «необходимости», «подкреплении», «природе индукции» и т.д. См.: Carroll J. Laws of Nature (rev. 16 November 2020). *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Winter 2024 Edition). URL: <https://plato.stanford.edu/archives/win2024/entries/laws-of-nature/> (дата обращения: 01.12.2024). Сравните, например, трактовки «по Льюису» и «по Армстронгу»: «Закон природы отражает наилучшую комбинацию простоты и силы утверждения, принадлежащего истинной дедуктивной системе» и «закон природы есть отношение не логической, контингентной необходимости между универсалиями» соответственно.

³ И это не искусственный пример. В каком-то смысле ситуация напоминает обсуждение преимуществ теории струн. Сама идея математически представлять физическое взаимодействие в нашем трехмерном мире как результат проявления действия сил в пространствах большей размерности (первые примеры таких концепций появились еще в 1910-х) оказалась настолько эффективной, что в конечном итоге удалось построить крайне абстрактное представление, объединяющее все известные физические взаимодействия в рамках 11-мерного математического многообразия. С точки зрения концепций объяснения, подчеркивающих важность объединений описания всех взаимодействий на одном основании, такая теория, несомненно, соответствует реальности, причем гораздо больше, чем теории, которые не дают подобного «унифицирующего» представления. Но с точки зрения концепций объяснения, которые в первую очередь требуют эмпирической проверки теорий, теория струн является худшей научной теорией, причем настолько, что даже не может претендовать на статус собственно «научной». См.: String Theory (rev. 22 November 2024). *Wikipedia. The Free Encyclopedia*. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/String_theory (дата обращения: 01.12.2024).

многими, в терминах «парадигмального противоречия». Однако, с точки зрения Элисон Уайли, это пример «реальной ситуации, в которой мы можем говорить о сближении (*rapprochement*) унификационистской (Ф. Китчер) и причинностной (У. Сэлмон) концепций объяснения» (см.: [Wylie, 2002, ch. 16]). На то, что такое «сближение» – именно как сближение, а не как редукция, – возможно с точки зрения «развития концепций объяснения», в свое время указывал У. Сэлмон (см.: [Salmon, 1989]). На наш взгляд, пример Э. Уайли хорош не только тем, что ей удается показать то, как именно в реальной практике научного исследования в области знания, в которой, по всеобщему мнению, нет ничего, что могло бы отвечать каноническому представлению о «законе» с точки зрения физики, и апелляция к объяснению «по Гемпелю» изначально считается провальной, удастся решить вопрос о выборе предпочтительной концепции объяснения. Пример интересен тем, что мы можем сформулировать достаточно общее представление о том, на что следует *обращать внимание*, когда у нас нет возможности выбрать одну наперед заданную концепцию объяснения, но при этом мы согласны с тем, что качество объяснения является одной из значимых характеристик мета-обоснования. Как отмечает У. Сэлмон: «Существует три основные школы – прагматическая, дедуктивистская и механицистская. При этом подходы “сверху вниз” и “снизу вверх” – это всего лишь два разных способа прочтения одного и того же “идеального объясняющего текста” (основное понятие прагматической концепции. – Н. Г.). Именно прагматические соображения определяют то, какой именно способ “прочтения” является наиболее подходящим (*appropriate*) в данном контексте» [Salmon, 1989, p. 185]. Памятуя о том, что «сближение» – это не редукция, нельзя сказать, что объяснение полностью становится прагматическим и контекстно зависимым. Скорее, речь идет о том, что в заданной ситуации субъект прагматически выбирает исключительные (*salient*), на его взгляд, характеристики объяснения, которые определяют выбор той или иной концепции объяснения как основной, а также одновременно ассоциируются со значимыми характеристиками мета-обоснования принимаемой субъектом гипотезы. На наш взгляд, роль такой «исключительной характеристики» может играть свойство «инвариантности объяснения» в том виде, например, как оно раскрывается в манипулятивистской концепции причинности Джеймса Вудварда (см.: [Woodward, 2002; 2005]). Отличительная особенность представленной интерпретации заключается в том, что представления Дж. Вудварда предлагается дополнить концепцией «конституирующего объяснения» Карла Крэйвера (см., например, [Craver, 2007]), которая, на наш взгляд, гораздо более соответствует практике «исторических естественных наук» (геология, археология, палеонтология), в которых, по понятным причинам, сложно воспользоваться стандартной дедуктивистской концепцией объяснения.

Модель К. Ренфрю и дискуссия Ф. Китчера и У. Сэлмона

В 1987 г. вышла книга Колина Ренфрю «Археология и язык: Загадка происхождения индоевропейского языка», посвященная объяснению причин «широкого распространения основания, объединяющего практически все языки Европы, множество языков Индии и Пакистана, а также ряд языков народов, находящихся

между ними»: «Если мы посмотрим на картину языкового разнообразия в Европе незадолго до начала Христианской эры, то с удивлением обнаружим, что она почти вся индоевропейская. А это *очень большая территория для того, чтобы подобное наблюдаемое однообразие (uniformity) было случайным*» (курсив наш. – Н. Г.) [Renfrew, 1987, p. 145]. Гипотеза К. Ренфрю заключается в том, что подобное «однообразие» является следствием неолитической революции и объясняется «проникновением на территорию Европы в раннем неолите (приблизительно 6000 лет до н. э.) технологий производящей экономики – обработки земли и животноводства посредством переселения групп, которые говорили на общем исходном – прото-индоевропейском – языке, что привело к неуклонной замене исходного многообразия языков сообществ, живущих охотой и собирательством. Первые колонизаторы Европы (от 35000 до 12000 лет назад), возможно, также несли общий язык, но это произошло слишком давно, чтобы естественные процессы диверсификации привели к той картине языкового разнообразия, которую мы видим сейчас. Мы бы получили гораздо более фрагментированную и разнородную картину, если бы относительно недавно не произошел промежуточный эпизод языковой ре-колонизации, о котором можно судить по все еще сохранившимся остаточным признакам того, что все индоевропейские языки имеют общий корень. Большое число людей, разделяющих общий язык, медленно распространялось (diffuse) по территории, заменяя старое население (и его язык), но не силой оружия, а посредством распространения нового образа жизни, который и был их решающим адаптивным преимуществом» (см.: [Renfrew, 1988, p. 437–441]). К. Ренфрю описывает процесс «лингвистического замещения» как процесс «демографического давления со стороны сообществ, практикующих земледелие, рост населения которых продиктован расширением возможностей и доступностью пропитания (subsistence), а также другими преимуществами, которые дают сельскохозяйственные технологии и соответствующий образ жизни» [Там же]. Более того, он настаивает на том, что эту «демографическую модель языкового замещения» (demic-diffusion) могут подтвердить и археологические находки, касающиеся обнаружения признаков распространения земледелия, и данные сравнительного языкознания и исторической лингвистики, раскрывающие содержательные связи между языками на современной лингвистической карте мира, но самое главное – данные популяционной и молекулярной генетики (на этапе выдвижения гипотезы имелись в виду данные по биохимическому составу крови), что в конечном итоге также должно привести к формированию новой области знания – «исторической генетики, которая занимается соответствующей реконструкцией истории человеческой популяции» [Renfrew, 1992a, p. 446]⁴. Подобный широкомасштаб-

⁴ Одна из особенностей концепции К. Ренфрю заключается в том, что, по сути (и он сам об этом открыто говорит), она является приложением другой, не менее масштабной модели «волны-продвижения» (wave-of-advance) А. Аммермана и Л. Кавалли-Сфорца, статья которых «Популяционная модель для проникновения (diffusion) раннего земледелия» вышла в 1973 г. в коллективной монографии под редакцией К. Ренфрю (см.: [Ammerman, Cavalli-Sforza, 1973]). А. Аммерман и Л. Кавалли-Сфорца предположили, что практика земледелия начала проникать на территорию Европы посредством миграции малых групп населения из центральной Анатолии (исторически первые обнаруженные признаки соответствующей культуры, в то время как Европу все еще населяют племена собирателей) в седьмом тысячелетии до нашей эры. При этом ключевой аргумент заключался в том, что *потенциально* земледелие способно прокормить и обеспечить плотность населения большую, чем могла обеспечить

ный синтез исследований из разных областей знания, подобное «совпадение» («convergence», «congruence», «mutual compatibility», «curious parallels» – как оно обозначается в приведенных источниках), по мнению К. Ренфрю, не может быть случайным. Это значит, что предложенная модель по крайней мере должна в той или иной степени потенциально быть приложимой и к другим языковым семействам, должна успешно описывать и другие «сходные» культурные явления.

С точки зрения философско-методологического анализа (и особенно если мы говорим о состоянии на начало 1990-х) очевидно, что модель, предложенная К. Ренфрю, является хорошим примером реализации «принципа простоты» (parsimony). И он сам об этом говорит: «Несмотря на то что предложенная модель, по большому, все еще является гипотезой (conjecture), ее преимущество заключается в том, что она предлагает достаточно простое историческое описание современного распределения языков на карте мира. В этом и состоит роль модели – упростить (simplify) и сделать явление понятным, несмотря на скептицизм и упреки в том, что предложенные объяснения *слишком простые* по отношению к имеющимся данным» (курсив наш. – Н. Г.) [Renfrew, 1992b, p. 55]. С точки зрения теории объяснения мы имеем дело с «унификационистской» концепцией объяснения Ф. Китчера⁵. Цель объяснения – систематизировать как можно большее число разнообразных явлений, по возможности используя сравнительно небольшое количество посылок и примеров «паттернов аргументации» или «способов (way)

«старая» экономика. Именно в этом смысле каждое следующее поколение земледельцев было вынуждено идти дальше, для того чтобы справляться с «демографическим давлением». Эти два компонента (демографический и связанный с обеспечением пропитания) точно также значимы для модели К. Ренфрю. Он просто «добавил» лингвистический компонент, предположив, что язык земледельцев заместил локальные языки и стал тем самым общим «лингвистическим основанием», на котором возник индоевропейский язык, который со временем также претерпел трансформации уже благодаря другим «вторичным процессам». И точно также А. Аммерман и Л. Кавалли-Сфорца подчеркивают возможную корреляцию процесса «распространения земледелия» и сложившегося в современной Европе территориального распределения резус-фактора (см.: [Renfrew, 1992a, p. 463–465]).

⁵ В общем случае «унификационистская» концепция представляет собой так называемый «сверху вниз» (top-down)-тип объяснения, которое апеллирует к тому, как мы *организуем* знание, а не к тому, каков мир «на самом деле». В этом смысле «дедуктивно-номологическая» концепция К. Гемпеля является одним из вариантов «унификационистской». В 1974 г. вышла работа М. Фридмана «Объяснение и научное понимание», в которой подчеркивалось, что «объяснение является функцией от систематизирующей силы теории, не опосредованной частной аргументативной структурой этой теории. Теория является объясняющей, только если предлагает значительную унификацию всего того, что мы должны принять. Наука расширяет наше понимание мира, уменьшая количество явлений, которые мы принимаем как данное (given), делая мир более понятным (comprehensible)» (курсив наш. – Н. Г.) [Friedman, 1974, p. 14–15]. Существенным отличием (и, на наш взгляд, гораздо более прогрессивным шагом вперед) трактовки Ф. Китчера является то, что вместо акцента на «количестве не-объясненных явлений, понимание которых удастся унифицировать», он делает акцент на «паттернах аргументации», которые, по сути, и осуществляют унификацию. Ф. Китчер описывает объяснение как «расширение понимания посредством демонстрации того, как мы выводим описание различных явлений, используя один и тот же *паттерн аргументации* снова и снова» (курсив наш. – Н. Г.) [Kincher, 1989, p. 432]. Именно в этом смысле одним из признаков успешного объяснения является то, что оно всегда сопровождается тем, что мы можем вывести суть множества различных явлений из малого числа исходных посылок. При этом Ф. Китчер подчеркивает, что «унифицирующее представление» может быть не единственным: «Любая другая модель представления явлений точно так же может проявлять (articulate) унифицирующие свойства, применяя “один и тот же паттерн аргументации снова и снова” и при этом добиваясь гораздо больших успехов, чем та модель, или паттерн, или логика, которые мы сейчас считаем образцовыми» [Там же, p. 501].

мышления». Ключевой момент здесь – понятие «идеализации». С точки зрения Ф. Китчера, объяснение должно формулироваться в терминах «идеализированного, модельного описания экспланандума, акцентируя *фокус внимания* не на вопросе “почему данный объект ведет себя так, как ведет”, а на вопросе “почему данный идеальный объект, принадлежащий такому-то общему типу аналогичных объектов, проявляет (exhibit) обнаруживаемые свойства” (курсив наш. – Н. Г.) [Kitcher, 1989, p. 435]. На определенном этапе построения своей модели К. Ренфрю как будто бы перенимает эту стратегию «унификации в терминах идеализаций» и действительно стремится показать, как его объяснение «соответствует универсальным законам, которые руководят (governs) поведением объектов» (Ф. Китчер). Более того, как только речь заходит о том, что «идеализация по определению должна задаваться / формулироваться / выбираться только по отношению к области ее применимости» (Ф. Китчер), – К. Ренфрю подчеркивает, что его модель не только «имеет большую область применимости, позволяя проводить более масштабный (broader) синтез в корне отличных (disparate) явлений в разных областях знания», но и то, что «подобная обнаруживаемая унифицирующая сила является желательной (desirable), поскольку она усиливает надежность (credibility) модели. Именно такое поведение модели является индикатором того, что она успешно схватывает то, что описывает, а именно – доступные (intelligible) механизмы, посредством которых можно понять базовые процессы» [Renfrew, 1992a, p. 463]. Однако, продолжая обосновывать «надежность» своей модели (в другой работе), он напишет: «Если демографическая модель замещения окажется применимой не только для описания распространения индоевропейского языка, но и для описания распространения других языковых семейств, – то сам этот факт будет еще одним аргументом, дополняющим и усиливающим обоснование того, что наша модель распространения именно индоевропейского языка является надежной» [Renfrew, 1992b, p. 39].

Это важный момент: здесь можно увидеть, что К. Ренфрю *не придерживается* (в общем случае и не должен, так как он в первую очередь археолог и палеолингвист, а не философ) какой-то одной канонической концепции научного объяснения. Это замечание показывает, что К. Ренфрю перешел к другой концепции обоснования – к онтической модели У. Сэлмона⁶. Важно не только следова-

⁶ В общем случае «онтическая», или «причинностная», концепция относится к «снизу вверх» (bottom-up)-типу объяснения и объясняет явление в терминах его «содержания». Как отмечает У. Сэлмон, есть два способа понимать объяснение: «Либо объяснение существует в мире, либо это нечто, что сообщает о таких фактах» [Salmon, 1989, p. 86]. Не вдаваясь в детали, отметим, что в основном рассуждения У. Сэлмона в «Четырех декадах научного объяснения» касались критики «дедуктивно-номологической» концепции К. Гемпеля. Именно поэтому он выделяет «две традиции»: «эпистемическую», акцентирующую внимание на *логике представления знания* в том же самом смысле, как явление должно следовать / отвечать законам в концепции К. Гемпеля, и «онтическую», отвечающую идее «причинно-механистического» объяснения, когда само явление и является объяснением. Это два разных подхода к пониманию того, как ответить на вопрос: «Что такое объяснение?». Как отмечает М. Халина: «В широком смысле эпистемическое объяснение касается моделей, представлений и действий субъекта с целью понять явление. Когда я сообщаю группе студентов, как работает фотосинтез, я объясняю это явление в эпистемическом смысле. Онтическое объяснение, наоборот, непосредственно относится к тому аспекту мира, который объясняет, почему данное явление произошло. Когда я говорю, что лед на дороге стал причиной аварии, – это объяснение в онтическом смысле. Термин “объяснение” часто используется в обоих смыслах, но очень важно их различать, так как, например, говоря об объясне-

ние «унификационистскому тренду» (мы включаем в модель все новые и новые явления, которые также получают объяснение посредством уже обнаруженных закономерностей), но и обоснование эффективности «причинных взаимосвязей», которые предполагают постулируемые механизмы функционирования явлений, посредством которых мы их объясняем. Если модель К. Ренфрю работает в разных контекстах, успешно описывая распространение других языковых семейств, то это дополнительное обоснование исходно предполагаемого механизма распространения индоевропейского языка. С точки зрения философии науки здесь К. Ренфрю меняет свой «фокус внимания». Изначально он говорит о том, что «объяснительная сила модели заключается в том, чтобы подводить разные явления под один паттерн аргументации» (Ф. Китчер), а потом – о том, что «эвиденциальное подтверждение модели нужно рассматривать в терминах причинности / постулируемых причинных взаимосвязей, а также с точки зрения независимости

нии в онтическом смысле, мы обязаны предполагать, что объясняющий факт существует независимо от того, знает ли о нем субъект. С точки зрения онтического объяснения именно реальные сущности и действия, обнаруженные в растениях, объясняют фотосинтез. Описания фотосинтеза и сопутствующих процессов (в форме диаграмм, моделей и т. д.) являются объяснениями в производном смысле: мы считаем их объяснениями, потому что они передают информацию о реальном явлении. С точки зрения эпистемического объяснения именно теоретические, описательные модели (коммуникативный аспект знания), которые мы используем для передачи информации о механизмах, ответственных за фотосинтез, и составляют объяснение. В данном случае модель явления будет объяснением в силу того, что она передает информацию о целевом механизме, но сам механизм не является объяснением» [Halina, 2017, p. 220]. Как пишет У. Сэлмон, в рамках «причинной» концепции «объяснение раскрывает (reveal) механизмы, которые непосредственно производят факты, которые мы пытаемся объяснить. Объяснить – это значит обнажить (expose) внутреннее устройство, обнаружить скрытые структуры, открыть черный ящик, который перед нами поставила природа» [Salmon, 1989, p. 134]. Чуть дальше он приводит пример с двумя объяснениями поведения наполненного гелием воздушного шарика в салоне самолета при взлете. «Мы можем объяснить поведение в терминах градиента давления, который появится вследствие того, что на заднюю стенку шарика давит расширяющийся газ – это причинное/механистическое объяснение. Оно объясняет нам, как работает мир. Это объяснение локально, оно показывает, как именно это (particular) явление случилось (occur), в терминах набора конкретных (particular) причин. Оно обращается к ненаблюдаемым объектам и описывает процессы и механизмы причинного взаимодействия, влияющего на объясняемое явление, и мы понимаем, как именно явление произошло. И это не значит, что общие законы не участвуют в этом объяснении. Ведь процессы и механизмы, о которых идет речь, подчиняются законам природы. Точно так же мы можем сопоставить причинное/механистическое объяснение общим закономерностям. Молекулярно-кинетическая теория газа дает причинное/механистическое объяснение поведению воздушного шарика, которое подчиняется общей логике поведения тел легче воздуха. Такое объяснение Китчер называет “снизу вверх” (bottom-up), так как оно апеллирует к внутренней микроструктуре явления, которое необходимо объяснить. С другой стороны, мы можем объяснить поведение шарика, обращаясь к принципу эквивалентности Эйнштейна, который представляет эффекты гравитации как эффекты ускорения, – это унификационистский подход. Это объяснение “сверху вниз” (top-down). Оно показывает то, как контингентное происходящее *вписывается в общую универсальную схему вещей*. Здесь нет детального анализа механики происходящего, поэтому мы ограничены только закономерностями. Оба эти объяснения предлагают *разные типы понимания* одного и того же факта. И они оба допустимы (legitimate) и по-своему содержательно полезны (illuminating). Нельзя сказать, что они несовместны (incompatible), они оба применяются на практике. Их следует рассматривать как репрезентирующих *два разных, но совместных* аспекта научного объяснения, каждый из которых имеет *свои основания*. И в этом нет ничего странного. Надлежащее понимание научного объяснения предполагает, что мы можем указать на какие-то виды специфического для объяснения объективного *отношения релевантности* между собственно объяснением и каким-то представлением о корректности, которое и закрепит понимание того, что наше объяснение является научно корректным» (курсив наш. – Н. Г.) [Там же, p. 184].

данных, апелляция к которым позволяет подтвердить исходный тезис» (У. Сэлмон). С другой стороны, поскольку К. Ренфрю рассуждает как «обычный ученый», то вполне возможно, что для него нет проблем предположить, например, что «сила унификации как раз и состоит в том, что у нас появляются дополнительные основания полагать, что постулируемые причинные механизмы работают именно так, как предполагалось». Это своеобразный некритически воспроизведенный аргумент «Чудеса не принимаются» (Дж. С্মарт, Г. Маквелл, Х. Патнэм и др.): принимая во внимание независимость данных разных «линий аргументации» (лингвистической, археологической, генетической; с учетом различий в данных, описывающих распространение других языковых семейств, и т.д.) было бы странным (было бы «чудом»), если бы механизмы, которые мы абдуктивно постулировали для того, чтобы объяснить явления, не существовали бы «на самом деле» и не работали бы именно так, как мы предсказали⁷.

На первый взгляд, в такой интерпретации «унификационистского аргумента о конвергентности в терминах независимости данных, участвующих в эвиденциальном подкреплении предложенной объясняющей модели явления», нет ничего особенного. К. Ренфрю переходит от акцента на объяснительной силе модели – от объяснения того, что его модель может сделать для описания истории других языковых семейств – к акценту на вопросе «что сам факт наличия такой модели (если мы будем рассматривать его как эпистемическое данное) может сделать для понимания механизмов и процессов, которые реально производят наблюдаемые явления и паттерны, ответственные за сходимость разных линий аргументации?» – это вопрос о том, когда эта сходимость случайна, а когда – нет. Однако с точки зрения качества (последовательности) философской аргументации это проблема, поскольку К. Ренфрю некритически принимает именно то, что в данном

⁷ В подтверждение того, что подобное «эклектическое поведение» К. Ренфрю не является случайным, приведем точку зрения Э. Уайли: «Несмотря на постоянные и оправданные сомнения относительно перспектив использования фрагментарных и порою даже эфемерных археологических данных как надлежащим образом понимаемых эпистемических данных (evidence), практика и принятие (и широко обсуждаемые, дискутируемые и подвергаемые сомнению) археологами правила апеллирования к разнообразному сопутствующему (background) знанию могут быть весьма эффективны с точки зрения установления надлежащих эпистемических ограничений на принятие и обоснование гипотезы. Нагруженность данных – по сути, индуктивное обоснование имеющихся данных, – не обременена приводить к логической ошибке. Учитывая различия между науками, на которые археологи вынуждены опираться, анализируя свои данные, – оценка исторического периода, которому принадлежит обнаруженная стоянка, представление о качестве, количестве и привычках потребления пищи, предполагаемый половозрастной состав сообщества, уровень фертильности, уровень социальной организации, культурные особенности, реакция на культурный контакт, обмен и предполагаемое замещение, – вот основные данные, на которые опирается объяснительная сила модели Ренфрю, – нет никакой гарантии, что все релевантные линии аргументации будут сходиться в той или иной модели объяснения, если такая модель вообще существует. И даже когда данные сходятся, археологи не всегда имеют основания сказать и достаточную уверенность в том, что гипотеза хорошая, – всегда существуют разброс, допуски и уровень ошибки, когда мы говорим о возрасте находки, о привычках питания, о том, как сообщество было организовано с точки зрения распределения ресурсов, их производства или организации репродуктивного цикла. Археолог может зафиксировать только конкретное событие или условие и только в конкретном контексте его описания. И в определенной степени, это будет чудом (miracle), что какие-то независимые линии аргументации сойдутся, несмотря на все предполагаемые допуски. И в этом случае тот факт, что объяснительная сила гипотезы такое позволяет, действительно свидетельствует о ее надежности, и именно в терминах широко понимаемых причинных условий, в том числе ответственных за сохранение дошедших до нас данных (records)» [Wylie, 2002, p. 217].

случае *еще нужно показать*. Нам нужно показать, как связаны: (а) идеализированная, упрощенная объясняющая модель и (б) реальные механизмы, ответственные за соответствующую последовательность культурных трансформаций, которая произойдет в каждом локальном сообществе и приведет к предсказанному результату. И нельзя сказать, что эта «вольность» осталась незамеченной. Обсуждая книгу К. Ренфрю на страницах журнала «Современная антропология», критики отметят: «Модель “волны-продвижения” имеет соблазнительную простоту, однако она, вероятно, искажает реальность происходящих процессов настолько сильно, что к ней, возможно, не стоит апеллировать, учитывая большое число “если”, которые мы вынуждены принять, реконструируя локальные процессы “аккультурации”» (замечание Г. Баркера. – Н. Г.) [Renfrew, 1988, p. 448], или что «методологию Ренфрю можно было бы справедливо описать как “прокрустову”, в том смысле что она заключается в отсечении (lopping off) тех реконструкций, которые не соответствуют небольшому количеству заранее подобранных и предвзятых (preconcieved) моделей, в то время как ирония заключается в том, что ответы, которые предлагаются в конечном итоге, по сути, являются крупномасштабными версиями моделей миграции, которые рассматривало предыдущее поколение ученых» (замечание Э. Шеррата. – Н. Г.) [Там же, p. 459]⁸. Критиков не устраивает объяснение в терминах «простоты» и «унификации», которую предлагает идеализированная модель, – им нужны конкретные механизмы, которые бы описывали то, как именно в период неолитической революции в конкретных известных случаях появления в Европе земледелия в тех же самых сообществах происходило «замещение языка».

В ответ К. Ренфрю и соглашается, и не соглашается с критиками. С одной стороны, он говорит, что «заместительная модель» является идеализацией, и это

⁸ Примечателен комментарий Р. Колмана: «Сегодня любое исследование, которое претендует на научность, или даже просто на систематичность, должно подчиняться (shaped) какой-то модели, независимо от того, представлена она явно или нет. Однако существует опасность того, что эта модель может быть чрезмерно априорной, произведенной и сформированной (shaped) *математическим критерием элегантности*, а не быть результатом надлежащего абстрагирования от данных. Модель “волны-продвижения” является именно такой. Опять же, модель может быть получена на основании крайне малого количества эмпирических данных – ошибка, которую трудно избежать в исторических науках, гораздо труднее, чем в экспериментальных, – и, таким образом, можно прийти к неверному обобщению того, что нетипично или даже уникально. “Коллапс системы” может быть результатом гораздо большего числа причин, чем предполагалось изначально. Но самым серьезным из всех является искушение разработать новую модель, которая должна объяснить явления, которые *не могут объяснить другие модели*, которая будет применяться к объяснению исключений (exclusion) из других моделей. Ее разработка часто мотивируется неспособностью существующих моделей объяснить одно конкретное множество наблюдений. И объяснительная сила новой модели может быть достаточно большой, и для того, чтобы закрыть эту проблемную область, и для того, чтобы объяснить все, что охватывали предыдущие модели. Однако чаще всего новая и старые модели дополняют друг друга, – они не могут полностью исключить одна другую. Даже если верно (right), что распространение земледелия можно смоделировать “волной продвижения”, – это не может и не должно исключать другие масштабные изменения популяции, – переселения и вторжения захватчиков, – которые могли происходить и происходили на протяжении четырех тысяч лет, которые по Ренфрю отделяют исходных носителей прото-индоевропейского языка в восточной Анатолии от самых ранних из найденных письменных документов, написанных на хеттском наречии или микенском варианте греческого языка, да еще и на территории от Северного моря до Индийского океана. Ренфрю признает возможность объединения различных моделей, но на практике он концентрируется исключительно на одной» (курсив наш. – Н. Г.) [Renfrew, 1988, p. 451].

важно потому, что цель как раз и заключается в том, что зафиксировать тот уровень абстрагирования, который необходим для того, чтобы схватить «базовые процессы», оперирующие на больших масштабах. Нет проблем с тем, что модель не может схватить какие-то локальные процессы: «Полное объяснение будет гораздо более сложным и комплексным, но мы знаем, что вторичные процессы можно проинтерпретировать только изнутри понятийной схемы, которая должна быть хотя бы приблизительно корректной (valid) с точки зрения и в свете той рамки, которую задают первичные процессы» [Renfrew, 1988, p. 466]. В такой интерпретации модель К. Ренфрю описывает «реально работающие причинные факторы», но не те, которые интересуют критиков. Это пример «предварительной модели», которая может быть «отправной точкой для построения более точных моделей» (требуемые модели описания «вторичных процессов» еще только предстоит построить), представляет собой «альтернативную модель объяснения, схватывающую более масштабные явления» (объяснительная сила модели, описывающей «первичные процессы», по определению, лежит в области категорий, которые и способны схватить содержание «вторичных процессов») и т.д. С другой стороны, К. Ренфрю подчеркивает, что совершенно не обязательно, чтобы абсолютно все, что происходило в ходе неолитической революции, должно интерпретироваться с точки зрения его модели. По определению, теория должна работать «только в своем узком “хартленде” – обязательно отвечать только тем аспектам своего эмпирического содержания, на основании которых она создавалась» (С.П. Никаноров), все остальное – это дополнительная аппроксимация. Излишне абстрактный характер модели не проблема: «Абстрактные модели наподобие “волны-продвижения” А. Аммермана и Л. Кавалли-Сфорца формулируются в терминах, далеких от реальности (включая представления о том, что ландшафт потенциально пахотных земель анизотропный, а популяция потенциальных земледельцев равномерно распределена по всей территории), но роль этой модели принципиально заключается в том, чтобы задать исходную интерпретацию именно первичных процессов» [Renfrew, 1988, p. 463]. Распространение земледелия коррелирует (согласно независимым данным из области археологии, лингвистики и генетики) с современным распределением языков индоевропейского семейства, и именно этот «первичный процесс», именно в таких абстрактных терминах, как «замещение», его теория и должна описывать. С точки зрения критиков модель К. Ренфрю является намеренно ложной: она не опирается на «онтологические допущения, касающиеся локальных причинных процессов», а лишь схватывает формальные признаки, которые и демонстрируют «унифицирующую силу выбранного паттерна аргументации, который можно раз за разом применять для объяснения явлений в самых разных контекстах». Проблема в том, что К. Ренфрю и критиков интересуют *разные модели объяснения*. И причина, весьма вероятно, заключается в том, что К. Ренфрю и критики работают в разных парадигмах, по-разному задающих цели археологии. Как пишет Э. Уайли: «На кону нечто большее, чем указание на различные аспекты объяснения, к которым апеллируют Ренфрю и критики. Недостаток понимания причинных механизмов, на который указывают критики, – это обычная претензия, независимо от того, какую концепцию научного объяснения мы выбираем. Критики не против идеализаций

как таковых. Они против того, что Ренфрю *избирательно отдает предпочтение* (priority) небольшому набору факторов – собственно демографическим, связанным с технологиями обеспечения пропитания (subsistence), – которые, как настаивают критики, не могут объяснить рассматриваемое явление само по себе. Важен анализ социальных процессов, которые опосредуют (mediate) ответ сообщества на изменение экологических факторов и появление технологических инноваций, связанных с сельским хозяйством, которые сам Ренфрю выделяет как базовые процессы. Контрпримеры, которые приводят критики, – например, в тех местах, где сельское хозяйство перенималось не быстро, а медленно, этот переход мог не сопровождаться серьезным увеличением плотности населения и мог не включать тотальную замену локальной популяции или ее культуры, – служат выдвиганию на передний план именно тех социальных, символических и культурных факторов, а также их ролей и последствий, которые Ренфрю *систематически игнорирует*» (курсив наш. – Н. Г.) [Wylie, 2002, p. 222]⁹. Принимая во внимание,

⁹ Очевидно, что позицию критиков, в том числе, нельзя отрывать от общего «эволюционного процесса» развития теоретической археологии. Несмотря на то что дискуссия ведется в конце 1980-х, никто не будет отрицать, что особое значение дискуссии К. Ренфрю и критиков придает тот комплекс проблем, который традиционно ассоциируется со становлением и развитием «Новой Археологии» Льюиса Бинфорда в конце 1960-х, – в частности, вопрос о целях и критериях адекватности объяснения в археологии (см., например [Binford, Binford, 1968]). Как отмечает Г. Баркер: «все эти “демографическое давление”, “технологические инновации” и “пропитание” – это суть “Бог из машины” (deus ex machina), и такой способ объяснения, к которому, очевидно, прибегает Ренфрю, является типичным для представителей процессуальной археологии» [Renfrew, 1988, p. 449].

В свое время «Новая», или «процессуальная», археология противопоставлялась «культурно-исторической» археологии именно как попытка «научного» прочтения археологии: «(1) Археология – это наука: археология традиционно рассматривалась как раздел истории, сосредоточенный на сборе данных и установлении хронологии. Новая археология должна сосредоточиться на объяснении (explanation), а не на описании (explication), на понимании динамики культурной системы, на объяснении того, как люди адаптировались к изменению окружающей среды, на сложных факторах, определяющих изменения в культуре. (2) Фокус на культурном процессе: Культурно-историческая археология акцентируется на статическом представлении (артефакт как предмет археологической коллекции), а не на реконструкции реальности. Процессуальная археология сосредоточена на создании более реалистичной, текучей, динамической картины культурного прошлого, основанной на понимании сложных взаимосвязанных культурных и экологических факторов, которые способствуют изменениям с течением времени. (3) Акцент на комплексном теоретическом описании явлений: изменение понимания цели археологии привело к изменению методологии практического исследования, к привлечению и интеграции широкого спектра новых типов данных (что влечет за собой философскую проблему анализа соотношения теории и данных опыта применительно к проблеме получения и обоснования знания в исторических науках), а также замене археолога-одиночки на группу археологов-экспертов в отдельных областях знания, каждый из которых вносит свой вклад в построение общей объясняющей картины прошлого» (Krieger W. Processual Archaeology. 26 May 2021. Oxford Bibliographies. DOI: 10.1093/obo/9780199766567-0056 (дата обращения 01.12.2024)). И в этом смысле позиция К. Ренфрю – это позиция проponenta процессуальной археологии, а позиция его критиков – это позиция критиков процессуальной археологии как самостоятельной определяющей парадигму археологического исследования.

Вот что пишет Э. Уайли: «Ренфрю буквально перенимает основной тезис процессуальной археологии, в частности идею экоматериалистического понимания культуры, говоря, что если технологическое и адаптивное измерение культуры обладают причинной силой, то археологическая интерпретация прошлого может быть научной. Все аспекты культурной системы должны быть выражены в терминах этих самых материальных, экологических, понимаемых в терминах изменения окружающей среды факторов, которые можно достоверно реконструировать, опираясь на имеющиеся археологические данные. Бинфорд подчеркивал, что “институциональные и культурные формы –

с одной стороны, разницу между «процессуальными» и «пост-процессуальными» подходами к пониманию археологии, а с другой – «единство археологической практики», мы должны, как отмечает Э. Уайли, «хотя бы попытаться рассмотреть вопрос о *сходимости* (*rapprochement*) одного вида объяснения к другому» [Там же, р. 221].

В заключении работы «Объяснительная унификация и причинная структура мира» Ф. Китчер замечает: «Предоставленный сам себе принцип унификации может *войти в противоречие* (*riot*) с опытом, поскольку потенциально он открывает дорогу произвольно подобранным паттернам аргументации, либо неправдоподобным (*implausible*) убеждениям, единственный смысл которых заключается в том, что именно благодаря им и осуществляется унификация. Мы должны допустить оговорку (*proviso*), что объяснительная унификация должна подчиняться условиям, которые *накладывают ограничения на принятие* (*rule on the acceptability*) *предполагаемых* (*proposed*) *убеждений*. Любое изменение имеющегося знания, которое предлагает новая теория, – введение новых или исключение старых убеждений в систему знания, – должно быть обосновано (*justified*), опираясь на основания, которые должны быть *независимы* от апелляций к унифицирующей силе теории либо от самих предлагаемых изменений. Если бы Дарвин не заботился о том, чтобы показать причины сложности поэтапного развития зародыша и кажущейся стабильности взрослого организма, чтобы объяснить види-

то, что Ренфрю, по-видимому, понимает как базовые (*basic*) процессы, – должны понимать независимо от субъектов-участников, они (культурные формы и процессы. – Н. Г.) *обладают своей собственной жизнью, выступая условиями поведения людей*» (Binford, 1983, 221). Археология должна акцентироваться на «макросилах, которые обуславливают и изменяют жизнь людей в том же самом смысле, как законы поведения комплексной термодинамической системы определяют поведение одинаковых частиц» (Binford, 1986, 474). Внутренняя динамика культурной системы – уникальные социальные отношения и структуры, внутреннее содержание, этнографическая составляющая жизни людей – вообще не считаются релевантными целям археологического объяснения, они не обладают причинной силой на макроуровне крупномасштабной системной динамики. Или, как говорит Ренфрю, они являются «эпифеноменальными, вторичными факторами и процессами». И хотя Ренфрю дистанцируется от Бинфорда, – ведь он говорит о языке и «когнитивной археологии», – тем не менее, он использует деление, которое предлагает Бинфорд, – различие между внутренним, этнографическим содержанием и системным уровнем описания «первичных» процессов. Среди которых он и выделяет технологические, демографические, привязанные к довольствию (*subsistence-related*) факторы, которые должны иметь причинную силу и приоритет в описании распространения индоевропейского и других языков» [Wylie, 2002, р. 222]. С точки зрения Э. Уайли, критики концепции К. Ренфрю, – это в первую очередь «радикальные критики процессуальной археологии. Их критика опирается на представление, что эко-материалистская концепция культуры и сопутствующее редуктивное и функционалистское ее прочтение по большей части ошибочны. Они подчеркивают, что «археологические находки (*record*) обнаруживают гораздо большую вариативность, чем та, которую даже потенциально можно было бы обнаружить, если бы мы опирались на адаптивно-функционалистские и эко-редуктивистские модели. А значит, какой бы сложной, в том числе в методологическом плане, ни была бы задача реконструкции внутренней социальной динамики и этнографического измерения культур прошлого, она должна иметь место, должна считаться не менее фундаментальной» (Hodder, 1986, Chapter 4). При этом, конечно, содержательно отдельные аспекты процессуальной парадигмы без проблем сочетаются с большим количеством анти- и постпроцессуальных представлений, в общих терминах закрепляя пределы их объяснения с точки зрения принятых идеализаций. Многообразие социальных факторов и внутренних динамик, которые, по словам критиков, должны быть релевантны пониманию того, как развивалась неолитическая революция, должны иметь причинную силу, в том числе потому, что они также могут быть основанием для унификации при описании соответствующих процессов, которые могут протекать в разных контекстах, в разных культурах и в разное время» [Там же, р. 223].

мые пробелы в летописи, составляемой на основании найденных окаменелостей и останков организмов, то его теория так и осталась бы лишь привлекательной фантазией, обещающей унификацию только на основании хорошо установленных фактов. В 1920-х и 1930-х теория дрейфа материков наглядно демонстрировала, что будет, если отмеченное условие не будет выполнено. Вегенер и его сторонники могли показать, что если гипотеза смещения континентов верна, то это означает унификацию множества разрозненных представлений в области геологии, биогеографии и палеометеорологии. Однако в это время было много аргументов, отрицающих возможность смещения континентов, на которые Вегенер тогда не мог ответить. Наша оговорка не выполнена, а значит, предполагаемый аргумент от унификации не работает. Геологи «знали», что сдвинуть континенты невозможно, и как следствие, унификация, которую описывали Вегенер и Дютуа, принималась ими как фантазия, которая разбивается о хорошо установленные «факты» о поверхности Земли» (курсив наш. – Н. Г.) [Kitcher, 1989, p. 489]¹⁰. Приведенное «необходимое условие унификации» говорит о том, что К. Ренфрю должен предоставить *независимые* основания, подтверждающие, что «демографические и технологические факторы», к которым он апеллирует, действительно будут ра-

¹⁰ Отдельно отметим то, какой Ф. Китчер видит позицию У. Сэлмона: «Я пытаюсь показать, что мы можем понять научное объяснение, а также причинно-следственную структуру природы, *не привлекая (without indulging in) метафизику*. Сторонники причинного подхода достаточно легко различают допустимые (acceptable) и корректные объяснения. Истинное или корректное объяснение определяет (underlies) истинную причинную структуру экспланандума, а допустимое – то, что будет считаться *рационально принять (take) за причинную структуру* с точки зрения множества убеждений, доступных субъекту. С точки зрения Сэлмона (1984), “в рамках онтической концепции мир есть не что иное, как черный ящик, работу которого мы хотим понять. Мы объясняем явления, показывая то, как они укладываются в причинную сетку (nexu), предполагая, что мы обнаружили внутренний (underlying) механизм, соединяющий наблюдаемые входы и выходы. Число фундаментальных причинных механизмов не должно быть большим, как и число соответствующих законов, и в этом смысле онтическая концепция точно так же как и эпистемическая, принимает унификацию как базовый аспект понимания мира. Основанием унификации является *вездесущность (pervasiveness) этих внутренних механизмов*, посредством которых мы объясняем” (276). Заметим, что как только мы допустили, что существует причинная структура, независимая от наших попыток достичь унификации, заключение, что число фундаментальных (basic) причинных механизмов не должно быть большим, будет контингентной истиной (даже если предположить, что это вообще истина). И тогда нужно задаться вопросом, какие *данные* есть у нас для того, чтобы принять эту предполагаемую истину, и какую роль она играет в наших теоретических построениях? Уверенность Сэлмона в том, что “онтическая” концепция полагать унификацию базовым аспектом нашего восприятия мира имеет столько же основания, сколько и “эпистемическая”, кажется нам необоснованной. С нашей точки зрения унификация является *конституирующей (constitutive)* для объяснения, в то время как у Сэлмона унификация, в лучшем случае, является *контингентным сопутствующим обстоятельством (contingent concomitant) отслеживания (tracing) причинной структуры*. В идеале мы должны выбрать между двумя представлениями о том, что является центральным для объяснения: унификация явлений или определение причинной структуры. В основе (heart) унификационистского подхода лежит представление о том, что мы не можем придать смысл понятию фундаментальный механизм отдельно от идеи системного характера мира, в котором какое угодно множество последствий отслеживается как результат насколько возможно малого количества фундаментальных механизмов. В рамках унификационистского подхода фундаментальные механизмы – это те, которые обнаруживают наши *лучшие унифицирующие систематизации наших лучших убеждений*. И если бы они обнаруживались по-другому, то они не были бы фундаментальными. То, что Сэлмон принимает за объективные зависимости между явлениями, есть *производное* от наших усилий по организации знания» (курсив наш. – Н. Г.) [Kitcher, 1989, p. 495–497].

ботать в соответствующих контекстах и что причинное описание соответствующих процессов действительно может объяснить желаемое «замещение языка». Также, по идее, нужно показать, что модель происходившего во времена неолитической революции «замещения» локальных языков индоевропейским можно применить для описания распространения других языковых семейств без необходимости воспользоваться объясняющей моделью, в которой основную роль играют «вторичные / локальные» процессы, происходящие внутри сообществ. В этом смысле можно сказать, что каждый из уровней аргументации – рассуждения К. Ренфрю на уровне «глобальных» процессов или рассуждения его критиков – претендует на то, чтобы каждое соответствующее уровню объяснение было «онтическим». И тот факт, что К. Ренфрю, по-видимому, полагает, что «внутренние» факторы не будут играть особого значения на «системном» уровне, не означает, что он не должен говорить об эмпирическом подтверждении соответствующих «причинных закономерностей», которые он обнаруживает в соответствии с принятым им «унификационистским» представлением об объяснении. Должны существовать данные в пользу постулируемых механизмов, независимые от результатов, для объяснения которых модель и была предложена.

Отсюда можно сделать неожиданный вывод: «необходимое условие унификации» Ф. Китчера – объяснительная унификация должна подчиняться условиям, которые накладывают ограничения на принятие убеждений, – есть не что иное, как *незаконное проникновение* онтической концепции объяснения. Естественно, не нарушая общности рассуждений и не пытаясь напрямую свести один тип объяснения к другому, в дополнение к этому заключению нужно привести какие-то независимые ограничения, которые не должны сводиться ни к унификационистской, ни к онтической концепциям. И примечательно то, что, по-видимому, именно о таких «ограничениях» и говорит У. Сэлмон: «Есть основания говорить о сближении (*rapprochement*) двух концепций обоснования. Как уже отмечалось, правильное (*correct*) понимание научного объяснения требует определить *виды объективных отношений релевантности, которые делают объяснение научно корректным*. Выше, разбирая концепцию прагматического объяснения Раилтона, мы говорили, что прямая попытка проинтерпретировать научное объяснение в прагматических терминах обречена на провал. Однако метафора, которую использует Раилтон, может быть полезна. Он разделяет идеальный объясняющий текст (*ideal explanatory text*) и объясняющую информацию (*explanatory information*), при этом *прагматические соображения определяют (*determine*) то, какой именно аспект идеального текста является исключительным (*salient*) в данном конкретном заданном контексте*. Именно в этом смысле идеальный текст содержит (*contains*) объективное отношение релевантности, по отношению к которому и должно строиться и соответствующим образом пониматься правильное (*correct*) объяснение. Можно задаться вопросом: отвечает (*conforms*) этот идеальный текст унификационистской или причинно/механистической концепции объяснения? Он отвечает и той, и другой. Раилтон приводит в пример объяснение альфа-распада ядра атома урана. Он обращается к общей теории, но при этом рассматривает механизмы, участвующие в распаде именно этого ядра. В этом смысле объяснения “сверху вниз” и “снизу вверх” – это просто *два*

различных способа прочитать один и тот же “идеальный объясняющий текст”. Это разные, но совместные (compatible) стратегии для понимания одного и того же факта. Но именно прагматические соображения *определяют* то, какой способ “прочтения” является наиболее *подходящим* (appropriate) в данном контексте» (курсив наш. – Н. Г.) [Salmon, 1989. p. 185].

Таким образом, судя по всему, К. Ренфрю был прав, «и соглашаясь, и не соглашаясь» с критиками. Ф. Китчер, и У. Сэлмон каждый достаточно четко зафиксировали соответствующее подчиненное место концепции своего оппонента в рамках своей модели. И конечно, когда мы говорим о реальной научной практике, обе эти модели могут применяться одновременно. Проблема в том, что в контексте философской гипотезы, которую мы обсуждаем, подобный пример «сходимости» разных концепций объяснения все портит. Мы связали мета-обоснование с аргументацией в пользу качества получаемого объяснения (характеристики, которые выделяют данную модель с точки зрения объяснения явлений, которые она описывает, одновременно указывают на то, что «сама система в целом правдоподобна по отношению к описанию внешней реальности»), но как только мы начнем говорить о «сходимости», то возникнет вопрос о соответствующих «характеристиках», которые до этого были свои для каждой из разных самостоятельных концепций объяснения. Как минимум можно говорить об «условиях, которые накладывают ограничения на принятие соответствующих убеждений» в концепции Ф. Китчера и об «отношении релевантности, определяющем корректность научного объяснения» в концепции У. Сэлмона. И мы хотим показать, что в ситуации, когда апелляция к классическим концепциям объяснения не принимается в силу «парадигмального конфликта», разделяющего научное сообщество, потенциально у нас все еще остается возможность определиться со значимыми характеристиками мета-обоснования анализируемой гипотезы.

Инвариантность навсегда

С точки зрения Л. Бонжура, искомой значимой характеристикой мета-обоснования когерентной системы эмпирических убеждений является «стабильность» – сохранение когерентности системы при непрерывном пополнении ее новыми эмпирическими данными: «Только в том случае, если система убеждений *остается относительно стабильной на протяжении достаточно долгого периода времени* (on a long run), у нас появится основание полагать, что некоторые убеждения системы с высокой вероятностью могут быть истинными. Эта стабильность с течением времени является одним из аспектов представления о динамической когерентности. Система убеждений будет получать новые (input) эмпирические данные, и именно *сохранение когерентности перед лицом новых данных* будет говорить о приближенной истинности системы... Сложно представить, что система убеждений, которая непрерывно получает новые данные, будет *оставаться когерентной* в течение времени, *не пересматривая* то, что какие-то факторы, новые убеждения могут разрушить ее стабильность. Одно из объяснений состоит в том, что такая система убеждений отвечает объективной реальности достаточно строго (closely enough) для того, чтобы минимизировать потенциальный вред,

который могут принести новые данные, которые потенциально могут разрушить ранее присутствовавшую когерентность. Наилучшим объяснением сохранению стабильности системы со временем является то, что (а) когнитивно спонтанные убеждения, которые являются достоверными внутри системы, систематически являются следствием определенного рода ситуаций, которые они собственно и отражают (*depict*), и (б) вся система убеждений соответствует в известной степени – пропорциональной степени когерентности и стабильности, а также длительности рассматриваемого периода, – объективной реальности, которую она описывает» (курсив наш. – Н. Г.) [Bonjour, 1985, p. 170–171]. Не вдаваясь в детали особенностей рассуждения Л. Бонжура и принятых им ограничений, отметим, что идея связать *достоверность знания* с требованием «динамического сохранения когерентности перед лицом новых данных» – это не априорное рассуждение. Это значимая, конструктивная часть индуктивного и абдуктивного рассуждения, как в обыденной жизни, когда ребенок, который любит зажигать спички, понимает, что лучше всего эффект достигается, когда коробок и спички сухие, так и в научном дискурсе. Когда И. Галле открыл Нептун на основании расчетов У. Леверье, который отталкивался от предположения, что наличие еще одной планеты может объяснить несоответствие между наблюдаемым движением Урана и расчетными значениями, предполагавшими, что закон тяготения Ньютона одинаково связывает Уран и Солнце, а также Уран и другие планеты, и что каждое из этих взаимодействий должно вносить свой вклад в динамическую картину описание движения Урана. На наш взгляд, независимо от выбранной концепции объяснения, среди множества характеристик, опираясь на которые можно было бы попробовать обосновать «корректность» данной объясняющей гипотезы, так или иначе особое место будет занимать представление об «устойчивости» (сохранении, инвариантности и т.д.) отдельных значимых элементов анализируемого представления явлений по отношению к многообразию данных, которые могут как свидетельствовать в пользу, так и нарушать «сохранение когерентности» предлагаемого понимания с течением времени¹¹. Один из ключевых моментов логики анализа

¹¹ В общем случае, конечно, и нам известны такие проекты, выбрать в качестве характеристики, которая указывает на «корректность» объяснения, можно не только «стабильность», «устойчивость» или «инвариантность» – понятия, которые мы по большей части рассматриваем как синонимы. Можно даже говорить о целых парадигмах отбора подобных характеристик, просто перебирая потенциально возможные варианты. Например, можно говорить о качестве принимаемых онтологий: «субстанциализм» против «верификационизма». Если ваша объясняющая гипотеза субстанциализирует «индивидуальные объекты» – онтологические элементы объясняющей функциональной схемы, – которые «рабочий платонизм» (термин Р. Коллинза) не может не заставлять вас субстанциализировать, то с точки зрения современного верификационизма (Дж. Лэдимен), – ведь мы говорим о хорошем эмпирическом научном знании, – это плохой ход рассуждений. Гораздо более приемлемым будет считаться подход «структурного реализма», когда «всю онтологическую нагрузку несет не объект, а эмпирически наблюдаемая структура». Можно постараться выделить внутри парадигмы, в которой строится объясняющая модель, элементы «устойчивых» (*future-proof*) знаний. Несмотря на то что концепция «устойчивого знания» П. Викерса по типу и по своей внутренней логике напоминает концепцию «невоспринятых» (*unconceived*) альтернатив К. Стэнфорда, – и там и там обсуждаются потенциально возможные варианты, – в данном случае элементы современных знаний, которые гарантированно не сменятся в ходе ближайшей научной революции, ее можно применять к анализу актуального знания. И очевидно, что наличие таких «элементов» в объясняющей можно будет считать признаком «корректности». Более экзотические варианты, например, могут предполагать апелляцию к концепции «многослойного причинного анализа» (С. Инятулла), которая буквально опирается

причинных связей «по Бэкону – Миллю» – это «формулирование промежуточных гипотез и переформулирование признаков с целью определения соразмерности сходства» [Бирюков, Швырев, Суханов, 1964, с. 422], очевидно, с целью демонстрации *корректности* объясняющей гипотезы перед лицом новых данных.

Как отмечает Дж. Вудвард: «Ключевая (central) проблема философии специальных наук – это проблема природы и статуса объясняющего обобщения (generalization). Многие философы предпочитают *номотетическую* концепцию объяснения, согласно которой “все успешные объяснения должны апеллировать к законам”. Стандартное допущение заключается в том, что закон – это универсальное (без исключений) обобщение, формулируемое в терминах качественных (qualitative) предикатов, отвечающее контрфактическим суждениями соответствующего вида и т.д. Все вместе это порождает дилемму. С одной стороны, объяснение в специальных науках возможно. С другой стороны, соответствующие обобщения в них не соответствуют “стандартным критериям”, которые мы сами же и связываем с понятием “законоподобия” (lawhood). И обычно, закрывая на это глаза, мы говорим, что соответствующие обобщения в специальных науках, в первом приближении и с прочими оговорками, можно приближенно считать “законоподобными”. Проблема в *трудности сформулировать рабочую адекватную альтернативу* для стандартной номотетической концепции объяснения.

Вот основания предлагаемой мной концепции.

(1) Отношение объяснения – это отношение, которое *в принципе* может использоваться для манипулирования и проверки в том смысле, что оно будет говорить нам, как изменится экспланандум, если мы изменим, подвергнем манипуляции какие-то экспланансы. Здесь “в принципе” означает, что цель объяснения заключается не только в том, чтобы корректно реконструировать явление, но и в том, чтобы понять, будет ли предполагаемое (putative) отношение объяснения корректно описывать то, что *может (would) произойти* при условии, если предположить, что данная манипуляция экспланансами произошла. И не важно,

на «постструктуралистский» (по мнению автора) анализ знания, цель которого – «выделить устойчивые элементы (соотносимые с такими понятиями как «поиск социальных причин», «анализ мировоззренческих оснований» или «анализ мифологической интерпретации проблемы». – Н. Г.) в нарративе объяснения». И даже в рамках манипулятивистской концепции причинного объяснения Дж. Вудварда, которую мы выберем, более полный анализ соответствующих «характеристик корректности объяснения» будет учитывать не только «инвариантность», но и как минимум «устойчивость» (stability), «диапазон» (score), «надежность» (robustness) и «чувствительность» (sensitivity). Главная причина, по которой мы в этой статье остановились именно на «инвариантности», заключается в том, что Дж. Вудвард (и не только он, но очевидно, и у нас есть основания предполагать, что сейчас именно он задает тон в этой области исследований) показал, как можно трактовать «инвариантность» – как характеристику «корректности» объяснения – в терминах «контрфактической» интерпретации причинности. И как показали дальнейшие исследования (К. Крэйвер, П. Юлиоски, С. Сеппала, Я. Ратериннэ и др.), концепцию Дж. Вудварда можно применить для исследования «вероятных сценариев» (например, развития событий в прошлом, если мы говорим об археологии), не заботясь о том, чтобы понимать «манипулирование» именно как «актуальное вмешательство» в рассматриваемую «эмпирическую ситуацию». В этом смысле концепция Дж. Вудварда становится важным инструментом исследования «потенциально возможного», например, в «исторических естественных науках» (геология, археология, палеонтология), в которых затруднительно воспользоваться стандартной «дедуктивистской» логикой научного объяснения.

можем ли мы актуально произвести (carry out) эту потенциально предполагаемую манипуляцию.

(2) Тогда вопрос о том, можно ли использовать данное обобщение для объяснения, – это вопрос о том, является ли оно *инвариантным*, а не законоподобным. Обобщение является “инвариантным”, если оно является устойчивым (stable) и надежным (robust) относительно заданного *отношения манипулирования* (intervention). В этом смысле некоторые “законы” могут оказаться не инвариантными, поскольку не предполагают возможность манипулирования. Это значит, что они *не являются объясняющими*. Апелляция к законам не является ни достаточным, ни необходимым условием успешности объяснения. Это именно то, что требуется для объяснения в специальных науках. Существует множество примеров инвариантных объясняющих отношений, которые не являются законами, которые работают только в данной предметной области и не работают в других. И инвариантность, о которой мы говорим, *всегда присутствует в какой-то степени* (comes in degree).

(3) Отношение манипулирования, о котором мы говорим, является *идеализированным* представлением о возможности эмпирической / экспериментальной манипуляции. Манипуляция (intervention) понимается как экзогенный причинный процесс, который изменяет значение переменной *X* при условии, что *именно это* изменение приведет к изменению значения переменной *Y*. Объяснение в данном случае – это не выведение (subsumption) из закона, а *демонстрация* (exhibition) *паттерна контрфактической зависимости* специального вида. Мы будем говорить об “активных” контрфактических суждениях, антецедент которых истинен “в силу манипуляции” (made by intervention). *Только* инвариантные обобщения будут подкреплять (support) активные контрфактические суждения – взаимосвязь между объяснением и инвариантностью» (курсив наш. – Н. Г.) [Woodward, 2000, p. 198–199]. Не вдаваясь в детали концепции Дж. Вудварда, ее обоснования, особенностей и преимуществ, отметим, что наиболее важный для нас момент здесь, – это идея, что «не важно, *можем ли мы актуально* произвести (carry out) эту потенциально предполагаемую манипуляцию экспланансами». Очевидно, что, когда мы говорим об истории, геологии, археологии и даже медицине, мы не всегда (и по разным причинам) можем «эмпирически манипулировать» соответствующими переменными¹².

¹² Как отметит Дж. Вудвард: «Контрфактическое утверждение (claim) о том, что произойдет с *Y*, если будет осуществлено “некое” возможное вмешательство в значение *X*, следует интерпретировать как то, что *существует* некоторое вмешательство в *X* такое, что если бы была возможность манипулировать значением *X* неоднократно, то значения *Y* (или вероятность *Y*) изменялись бы некоторым воспроизводимым или повторяемым образом. Для того чтобы это контрфактическое утверждение было истинным, не требуется, чтобы было технологически или даже номологически или физически возможно манипулировать *X* ни многократно, ни даже один раз. Другими словами, утверждения о поведении *Y* при некотором возможном вмешательстве в *X* следует понимать как *неявно общие*, в том смысле что они являются утверждениями об общей или воспроизводимой реакции *Y* (или вероятности *Y*) при вмешательствах в *X*, если было бы возможно повторить такие вмешательства при соответствующих условиях в других случаях, но не как утверждения, обязывающие нас принимать, что такие вмешательства физически или практически возможны. Конечно, воспроизводимость *не предполагает*, что субъект должен *знать*, как манипулировать переменной таким образом, чтобы систематически производить интересующий эффект. Сравните это с тем, что говорит Льюис, согласно которому в описанном выше случае контрфактическое утверждение “если бы я подбросил монету правой ру-

Примечательно то, что здесь мы снова можем попасть в ловушку онтической (причинностной) концепции объяснения. Манипулятивистская концепция в том виде, как мы ее тут представили, даже если она не говорит об «актуальности манипуляции», все равно должна апеллировать к «воспроизводимости» взаимосвязи между «изменением X » и «изменением Y ». Эта связь должна быть достоверной и не должна быть случайной. Эта «достоверность» апеллирует к еще одному объяснению и так далее. Дж. Вудвард замечает: «Предполагаемый смысл воспроизводимости (reproducibility) не слишком требовательный: идея заключается в том, что изменение или вероятность изменения Y в ответ на изменение X должно быть достаточно устойчивым для того, чтобы было уместно (appropriate) говорить об изменении X как о средстве или как о стратегии для получения необходимых изменений Y в данных условиях. Именно в этом смысле мы и говорим, что результаты научного эксперимента должны быть воспроизводимыми. Здесь нет намека на внешний образ (externally) закрепленную правильность (validity): изменения Y должны с высокой вероятностью воспроизводиться именно в данных условиях и ни в каких других. Такое понимание воспроизводимости не требует детерминизма: если причинно-следственная связь между X и Y является недетерминистической – в том смысле, что изменение значений X не всегда приводят к точно такому же изменению значений Y , но при этом они всегда приводят к одинаковому изменению распределения вероятностей Y , – то такая связь будет считаться воспроизводимой. Точно так же, когда изменение X приведет к увеличению вероятности Y с точки зрения выполнения одних условий и к уменьшению вероятности Y с точки зрения выполнения других независимо от того, происходит ли изменение Y на ту же самую величину или нет» [Woodward, 2005, p. 71]. На наш взгляд, отмеченный момент с тем, что взаимосвязь между изменением X и изменением Y «не требует детерминизма», требует пояснений. Связь между переменными X и Y – это механизм, который должен подчиняться какой-то форме детерминации.

Как отмечает К. Крэйвер: «Большинство редукционистов больше не выбирают классическую модель редукции, согласно которой конституирующее (constitutive) объяснение (понимание, объясняющее то, как поведение целого зависит от поведения его частей) апеллирует к транс-теоретическим сущностям, связывающим одну теорию с другой. Они пользуются более слабой альтернативой, согласно которой редукционизм предполагает объяснение высокоуровневых явлений посредством внутренних (underlying) механизмов. Однако переход к этой более слабой версии редукционизма также означает отказ от классической дедуктивно-номологической модели объяснения, от номической трактовки ожидания (expectability), апеллирующей к законам. Основная проблема “конституирующего объяснения” в том, что большинство авторов акцентируют внимание на описании механизмов, связывающих переменные, не раскрывая нормативную составляющую, которая объясняет то, как предполагаемое механистическое объяснение явления должно быть оценено.

кой, то выпал бы орел” истинно до тех пор, пока истинно, что я подбросил монету и выпал орел» [Woodward, 2005, p. 71].

Механистическое объяснение объясняет явление посредством моделирования механизма, производящего явление. Однако механизм не раскрывает содержание *всего* явления, он лишь описывает взаимодействие между своими частями. Модель “как возможно” (how-possible) раскрывает функциональные связи между компонентами, но модель “как актуально происходит” (actually-possibly) имеет дело с реальными компонентами, у которых можно выделить много (и разным способом!) значимых характеристик в зависимости от поставленных целей. И здесь ключевое понятие – релевантность. Наша цель – определить смысл (sense), в котором выделенные компоненты и механизмы релевантны самому явлению. Акцент на конституирующем механистическом объяснении (как на альтернативе классическому редукционизму) не означает, что возможна только одна модель объяснения. Конституирующее объяснение лишь одно из многих уровней объяснения. Не все объяснения конституирующие; дать объяснение явлению – не значит допустить, что объяснение возможно только на самом “нижнем” фундаментальном уровне.

Пример объяснения растворимости соли в воде посредством указания на ее молекулярную структуру – это пример не-причинного асимметричного объяснения. Отношение детерминации между “макро-” и “микро-” характеристиками системы отличается от причинности. Конституирующее объяснение отличается от причинного тем, что является *синхронным* (synchronic) и *компонентным* (componential) относительно заданного функционального представления явления, которое мы объясняем, в то время как причинное объяснение – *диахроническое* (diachronic) и *не-компонентное*. Разница в понимании роли, которую играет манипулируемость. В рамках модели конституирующего объяснения мы можем изменить экспланандум, манипулируя (intervening) изменениями компонент, а также мы можем изменить компоненты, манипулируя изменением экспланандума. Отношение манипулируемости – *двустороннее* (bidirectional), а отношение причинности *всегда одностороннее* (unidirectional). Конституирующее объяснение характеризуется отношением *совместной* (mutual) *манипулируемости экспланансов и экспланандума*. Во-вторых, в рамках модели конституирующего объяснения мы можем описать индивидуальное (token) проявление характеристики ф, которая, предположим, частично конституируется проявлением характеристики ф, *не предполагая*, что ф и ф логически независимы – например, они могут быть одной и той же характеристикой “как актуально происходит”-модели, которую мы схватываем разными способами, в то время как со времен Юма причина и следствие должны быть логически независимы. Более того, не обязательно, чтобы ф произошло раньше ф. Мы обязаны различать “причинность” и “компонентность” (componency)» [Craver, 2007, p. 153, 161–162]. Это и есть ответ на вопрос о «детерминизме», связывающем изменение X и изменение Y. Объяснение будет инвариантным «по Вудварду», когда его функционально значимые компоненты (как часть предлагаемого механизма объяснения) будут связаны отношением «конституирующего объяснения», характеризуемого и отличающегося от отношения причинности требованием «совместной манипулируемости экспланансов и экспланандума».

* * *

Вернемся к идее понимания объяснения как мета-обоснования. В ситуации, когда парадигма очевидным образом не предписывает то, какую именно концепцию объяснения нужно выбрать, на наш взгляд, достаточно адекватным выглядит рассуждение, что поскольку объяснение играет роль мета-обоснования, то мы должны обратить внимание на ту часть концептуальной схемы объяснения, которая должна играть ту же роль, – несмотря на то, что традиционно мы как бы от объяснения этого не требуем. Речь идет об устойчивости, понимаемой нами в терминах «инвариантности относительно требования совместной манипулируемости экспланансов и экспланандума». Необходимость привлечь представление об «инвариантности», считать объяснение «конституирующим» и говорить о «манипулируемости» (которую мы, конечно, в большинстве случаев будем ассоциировать с возможностью построения и анализом пробных сценариев явлений в терминах контрфактических суждений), в первую очередь, связана с тем, что «объяснение по Гемпелю», при всем его богообразии, отвечает лишь весьма ограниченному классу задач. Более того, далеко не каждое объяснение должно раскрывать или непосредственно соответствовать какой-то причинной взаимосвязи явлений. В этом смысле, У. Сэлмон и приводимые критики концепции К. Ренфрю не являются победителями в условном споре с Ф. Китчером и К. Ренфрю. Каждая из сторон в своих терминах хочет сказать одно и то же: выделенный ими и считающийся определяющим элемент концептуальной схемы будет достаточно успешным (устойчивым и инвариантным относительно выделенного способа манипулирования) для того, чтобы подтвердить то, что исходная гипотеза является «указующей на истину». Это «ограничение на принятие соответствующих убеждений» у Ф. Китчера, которое он понимает, «акцентируя внимание на логике представления знания», с точки зрения предпочтительного «паттерна, ответственного за сходимость разных линий аргументации». Это «отношение релевантности, определяющее корректность объяснения» к У. Сэлмону, которое, конечно, у него понимается в терминах обнаружения соответствующей причинной связи. Это «демографическая модель (демографическое давление со стороны более успешного сообщества) языкового замещения» у К. Ренфрю, которая, как он уверен, – очевидно, подчиняясь более общему методологическому требованию некоторого «общенаучного» уровня методологии, – будет работать не только для объяснения распространения прото-индоевропейского языка в ходе Неолитической революции, но и при описании других аналогичных случаев, – например, распространения русского языка по территории будущей Российской империи и сопредельных земель в XVI веке, еще до непосредственной политической аннексии этих территорий; распространения китайского языка в преддверии становления современного Китая гегемоном планеты (и критики, конечно, скажут, что во всем виноваты анклав, задолго до того исторически распространившиеся по всему миру) и т.д. И речь, конечно, не только об элементах «мягкой силы», речь именно о демографическом давлении, которое, например, оказывают эмигранты из Африки на государства современной Европы. Это «локальные (причинные) процессы культурной трансформации» у Г. Баркера, критикующего К. Ренфрю за излишнюю абстрактность и потерю «земли под ногами»,

роль которой, по его мнению, должны играть адекватные описания соответствующих процессов микро- и мезоуровня. Во всех приведенных случаях и паттерны аргументации, и скрывающиеся за ними цели будут одними и теми же, – они указывают на условный «инвариант», достоверность которого обосновывается его сохранением при определенных возмущениях.

Список литературы

- Бирюков Б. В., Швырев В. С., Суханов А. П.** Методы исследования причинных связей // Константинов Ф.В. (Гл. ред.). Философская энциклопедия: в 5 т. М.: Советская энциклопедия, 1964. Т. 3: Коммунизм–Наука. С. 421–423.
- Ammerman A., Cavalli-Sforza L.** A Population Model for the Diffusion of Early Farming // Renfrew C. (Ed.). The Explanation of Culture Change: Models in Prehistory. London: Duckworth, 1973. P. 343–358.
- Binford S., Binford L.** (Eds.) New Perspectives in Archaeology. Chicago, IL: Aldine Publishing. 1968.
- Bonjour L.** The Structure of Empirical Knowledge. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1985.
- Craver C.** Explaining the Brain. Oxford University Press, 2007.
- Friedman M.** Explanation and Scientific Understanding // Journal of Philosophy. 1974. Vol. 71. P. 5–19.
- Halina M.** Mechanistic Explanation and Its Limits // Glennan S., Illari Ph. (Eds.). The Routledge Handbook of Mechanisms and Mechanical Philosophy. Routledge, 2017. P. 213–224.
- Hempel C.** The Function of General Laws in History // The Journal of Philosophy. 1942. Vol. 39. No. 2. P. 35–48.
- Kitcher P.** Explanatory Unification and the Causal Structure of the World // Kitcher P., Salmon W. (Eds.) Scientific Explanation. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press, 1989. P. 410–508.
- Renfrew C.** Archaeology and Language: The Puzzle of Indo-European Origins. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.
- Renfrew C.** CA Book Review: “Archaeology and Language: The Puzzle of Indo-European Origins. Cambridge: Cambridge University Press, 1987”, Author’s Precis and Reply // Current Anthropology. 1988. Vol. 29. No. 3. P. 437–466.
- Renfrew C.** Archaeology, Genetics, and Linguistic Diversity // Man. 1992a. Vol. 27. No. 3. P. 445–478.
- Renfrew C.** World Languages and Human Dispersals: A Minimalist View // J. Hall, I. Jarvie (Eds.) Transition to Modernity: Essays on Power, Wealth, and Belief. Cambridge: Cambridge University Press, 1992b. P. 11–68.
- Salmon W.** Four Decades of Scientific Explanation // Kitcher P., Salmon W. (Eds.) Scientific Explanation. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press, 1989. P. 3–219.
- Woodward J.** Explanation and Invariance in the Special Sciences // British Journal for the Philosophy of Science. 2000. Vol. 51. P. 197–254.
- Woodward J.** Making Things Happen: A Theory of Causal Explanation. Oxford University Press, 2005.

Wylie A. *Thinking From Things: Essays In The Philosophy of Archaeology.* University of California Press, 2002.

Reference

- Biryukov B. V., Shvyrev V. S., Sukhanov A. P.** Methods of Studying of Causal Relationships // Konstantinov F.V. (Ed.). *Encyclopedia of Philosophy: in 5 volumes.* Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1964. Vol. 3: Communism–Science. P. 421–423. (in Russian)
- Ammerman A., Cavalli-Sforza L.** A Population Model for the Diffusion of Early Farming // Renfrew C. (Ed.). *The Explanation of Culture Change: Models in Prehistory.* London: Duckworth, 1973. P. 343–358.
- Binford S., Binford L.** (Eds.) *New Perspectives in Archaeology.* Chicago, IL: Aldine Publishing, 1968.
- Bonjour L.** *The Structure of Empirical Knowledge.* Cambridge, MA: Harvard University Press, 1985.
- Craver C.** *Explaining the Brain.* Oxford University Press, 2007.
- Friedman M.** Explanation and Scientific Understanding // *Journal of Philosophy.* 1974. Vol. 71. P. 5–19.
- Halina M.** Mechanistic Explanation and Its Limits // Glennan S., Illari Ph. (Eds.). *The Routledge Handbook of Mechanisms and Mechanical Philosophy.* Routledge, 2017. P. 213–224.
- Hempel C.** The Function of General Laws in History // *The Journal of Philosophy.* 1942. Vol. 39. No. 2. P. 35–48.
- Kitcher P.** Explanatory Unification and the Causal Structure of the World // Kitcher P., Salmon W. (Eds.) *Scientific Explanation.* Minneapolis, MN: University of Minnesota Press, 1989. P. 410–508.
- Renfrew C.** *Archaeology and Language: The Puzzle of Indo-European Origins.* Cambridge: Cambridge University Press, 1987.
- Renfrew C.** CA Book Review: “Archaeology and Language: The Puzzle of Indo-European Origins. Cambridge: Cambridge University Press, 1987”, Author’s *Precis and Reply* // *Current Anthropology.* 1988. Vol. 29. No. 3. P. 437–466.
- Renfrew C.** Archaeology, Genetics, and Linguistic Diversity // *Man.* 1992a. Vol. 27. No. 3. P. 445–478.
- Renfrew C.** World Languages and Human Dispersals: A Minimalist View // J. Hall, I. Jarvie (Eds.) *Transition to Modernity: Essays on Power, Wealth, and Belief.* Cambridge: Cambridge University Press, 1992b. P. 11–68.
- Salmon W.** Four Decades of Scientific Explanation // Kitcher P., Salmon W. (Eds.) *Scientific Explanation.* Minneapolis, MN: University of Minnesota Press, 1989. P. 3–219.
- Woodward J.** Explanation and Invariance in the Special Sciences // *British Journal for the Philosophy of Science.* 2000. Vol. 51. P. 197–254.
- Woodward J.** *Making Things Happen: A Theory of Causal Explanation.* Oxford University Press, 2005.
- Wylie A.** *Thinking From Things: Essays In The Philosophy of Archaeology.* University of California Press, 2002.

Информация об авторе

Головко Никита Владимирович, доктор философских наук, доцент
Заведующий кафедрой онтологии, теории познания и методологии науки,
Новосибирский государственный университет;
Ведущий научный сотрудник, Институт философии и права СО РАН

Information about the Author

Nikita V. Golovko, Doctor of Sciences (Philosophy)
Head of the Chair of Ontology, Epistemology and Methodology of Science,
Novosibirsk State University;
Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law SB RAS

*Статья поступила в редколлегию 30.11.2023;
одобрена после рецензирования 25.12.2023; принята к публикации 25.12.2023*

*The article was submitted 30.11.2023;
approved after reviewing 25.12.2023; accepted for publication 25.12.2023*